

Опасные
удовольствия

Оксана
Обухова

**Немного страха
в холодной
воде**

18+

Оксана Обухова
Немного страха
в холодной воде
Серия «Детективное агентство
«Нафталин»», книга 6

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43253317
SelfPub; 2019*

Аннотация

Надежда Губкина давненько собиралась съездить к сестре покойного мужа, Матрене, в деревню Парамоново. Хотелось покоя, чистого воздуха, простого деревенского застолья с неспешными разговорами и домашними разносолами. С чистым воздухом и застольями в Парамоново все сложилось, а вот на покой она напрасно рассчитывала. Странные и страшные вещи стали происходить в деревне, а накануне приезда Губкиной был жестоко убит деревенский недотепа и баламут Федька Мухин. Зная, что городская гостя опытная сыщица, раскрывшая немало преступлений, вся деревня только на нее и надеялась. Финальный детектив о нашенской мисс Марпл. Обложка от Е. Ю. Шурлаповой.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

По знойной улице деревни Парамоново торопливо шагал Сергей Карпович Суворов. Синяя клетчатая рубашка, накинутаая поверх бирюзовой майки-«алкоголички», развева-лась за спиной знаменем шотландского клана и даже хлопала на ветру, крепенькие кривоватые ножки в парусиновых тап-ках упруго месили мелкий белесый песок, свисавший с шеи шнурок цифровой «мыльницы» мотался маятником и шле-пал фотоаппарат о кругленькое пузо отставного почтовика – зол Сергей Карпович был невероятно.

Разогнав – нет, разметав в стороны! – вышедших подкор-миться на дороге кур, Сергей Карпович домчался до край-него парамоновского дома и по-свойски распахнул калитку настежь.

Спасавшийся от зноя в лопухах у забора цепной кобелек поднял сонную остроухую морду и лениво тьякнул. Суворов, привычно бросив «привет, Полкан», заметил, что позади до-ма, в картофельной ботве, мелькает светлый цветастый пла-ток хозяйки угодий, и кинулся туда.

Забежал за угол, рухнул на расположившуюся у стены в тенечке скамеечку и, обмахиваясь снятой кепкой, стал ждать, когда монотонно размахивающая тьяпкой Матрена Пантелеевна обратит-таки внимание на гостя.

Матрена Пантелеевна боковым зрением засекала визитера,

пробормотала «Принесла нелегкая Фельдмаршала», но окучивание картошки не оставила. Закончила борозду. Разогнулась. Обтерла губы и подбородок кончиком платка и лишь тогда кивнула гостю – «Привет, Сережа».

Замеченный наконец-то «фельдмаршал» взвился с лавочки, аки в седалище ужаленный:

– Это что же делается, Матрена-дорогая! Второй кроль за три недели! Выставочный образец! Шиншилла! Пуд весу, ей-богу, я не вру!

– Здорово, говорю, – напомнила о приличиях хозяйка огорода.

– Ага, да, доброго дня, – опомнился гость, но с колеи не сбился, сел и продолжил: – Второй кролик у меня пропадает, Матрена, – напомнил и забубнил плаксиво: – Выставочный экземпляр, производитель, я ж его не на сало, не на тушенку откармливал...

Под заунывные жалобы пенсионера-почтовика Матрена Пантелеевна выбралась из ботвы, доволокла себя и тяпку до скамеечки и села рядом с Фельдмаршалом, машинально нашаривая в густой траве у стены крынку с прохладной колодезной водой.

Достала. Напилась. И ткнула в мельтешащие суворовские руки покрытый скользкой испариной сосуд – охолони, милчеловек.

Сергей Карпович благодарственно мотнул подбородком, захлебываясь, сделал несколько глотков и невнимательно

ткнул крынку обратно в холодильник под лавку.

– Надо что-то делать, Матрена, – сказал чуть-чуть обиженно.

– Так делай, – равнодушно пожала плечами та. – Иди к Кузнецову, пиши жалобу...

– Да какой Кузнецов! – вновь подскочил сосед. – Я ж ему сразу позвонил: «Андрей Власович, пропал второй подряд кролик, выставочный образец...»

– А участковый? – перебила рефрен Матрена.

– Дак разве ж это участковый?! Пень это обморочный, а не участковый милиционер! Я ему – кролик редкий, породистый...

– Да поняла я, поняла, – пробурчала пожилая женщина и тоскливо поглядела на длинные, недоокученные борозды – работы еще воз и маленькая тележка. – Что он ответил?

– А ничего толкового, – фыркнул Суворов. – Приехал на своей таратайке, походил между клетками и выдал рекомендацию – спускать Гавроша с цепи по ночам.

– А ты спускаешь? – прищурилась Матрена.

– Спускал, – горестно вздохнул кроликовод. – Но он, гад, подкоп под забором устроил и курицу у Терентьевны задушил. Теперь с Терентьевной мы в контрах. У нее, кстати, тоже куры пропадают...

– Слышала, – кивнула собеседница. – Пишите коллективную жалобу. Пусть Кузнецов меры принимает.

– Так Терентьевна говорит, что это мой Гаврош ее кур ду-

шит, а я за ним по ночам тела прибираю!!

– Да ну? – впервые удивилась хозяйка. – Так и сказала?

– Так и сказала. Кузнецову.

Матрена Пантелеевна покрутила головой и про себя подумала – совсем баба Глаша плохая стала. Всегда вздорной была, но чтоб соседей в лихих делах обвинять – не бывало такого.

Много лет назад слава о знатной доярке Глафире Ивановой гуляла по всему району, доила Глаша коров, в президиумах заседала, почетными грамотами и дипломами стены в избе оклеивала, орденом в бархатной коробочке за стеклянной дверцей серванта гордилась...

Сдала. Воюет теперь со всей деревней почем зря, о прежних заслугах во все инстанции пишет – холодильник недавно новый от администрации выбила. И свежую грамоту – висит красочным пятном промеж выцветших регалий, как яркая заплатка на древнем одеяле из лоскутков.

Некем нынче бабе Глаше верховодить. Не зовут в президиумы старуху.

Обиделась. И желчью пропиталась до самой маковки. То с Карповичем межи делит, то с Сычами воюет: мол, те молоко сырой водой разбавляют, причем специально только то, что Глафира у них берет...

Беда. Как бы в дурку орденонощицу не увезли – с наполеонами и академиками сахаровыми койко-место делить.

Матрена Пантелеевна вздохнула и покосилась на приго-

рюнившегося односельчанина:

– А от меня-то чего надо, Карпыч? Писульку Кузнецову подписать от всей деревни? Фельдмаршал заерзал – глазами и телом, скривил губы виновато...

– Да я вот что думаю, Матрена... От нашего Андриюши-кузнеца ни толку ни проку... – Поскреб пятерней влажную лысину над ушами и продолжил без всякой логики: – Ты как – с родственницей своей московской отношения возобновила?

Матрена Пантелеевна прищурилась, поджала губы.

– А тебе что до этого?

– Да вот, – смутился почтовик, – газетку тебе я показывал... со статьей про Надежду Прохоровну... «Сыскное агентство „Нафталин“», помнишь?

– Ну, – еще больше нахмурилась тетушка-селянка.

– Надо Надю на подмогу звать, – глядя в глубь картофельной делянки, важно произнес Суворов. – Взглянет острым свежим глазом, может, вора и найдет. Опыт – есть.

– Да брехня это! – отмахнулась Матрена. – Какая из Надьки сыщица.

– Не скажи, не скажи... Там ее «московской миссис Марпл» называют.

Последние тридцать четыре года трудового стажа «фельдмаршала» Суворова были отданы заведению почтовым отделением соседнего поселка Красное Знамя. (В дискуссионно-буйные перестроечные времена поселок отвоевал се-

бе дореволюционное девичье имя, но для окрестных аборигенов так и остался Знаменем.) И посему печатному слову Сергей Карпыч верил истово. Пожалуй, даже слепо.

Матрена Пантелеевна фыркнула и потянулась за тяткой.

– Ты лучше Федьку Мухина как следует потряси, – про бурчала в сторону. – Небось все кролячьи лапки в его бурьяне прикопаны...

– Вот! – значительно задрал вверх палец пенсионный почтовик. – Вот оно мнение дилетанта!

Соседка оставила тятку, развернулась к кролиководу.

– О чем это ты? – нахмурилась слегка обиженно.

– А о том, – довольно доложил Суворов, – что Федьку я первым делом проверил. Все кражи совершились в момент его отсутствия. Мухин в это время на работе был, продмаг в поселке караулил. У меня тут, – согнутым крючком указательного пальца Фельдмаршал постукал себя по блестящей лысине, – все даты преступлений записаны, – и прищурился довольно. – Никак не мог Мухин моих кролей спереть – загадка.

– Может эти... городские балуют? – заинтригованная сообщением о невиновности главного деревенского бедокура, предположила Матрена.

– Скажешь тоже, – самодовольно ухмыльнулся Карпыч. – У бабки-дачницы клюка следы на земле оставляет. Я проверил. Злоумышленник клюкой не пользовался, по тропочке аккуратненько прошел, никаких отпечатков не оставил.

– Может, этот – Черный?

Чтобы перечислить всех пришлых деревни Парамоново, Матрене Пантелеевне много времени не потребовалось. Забытая богом и районной администрацией деревенька в качестве летнего дачного проживания горожан интересовала мало: из десятка с лишним заколоченных строений только два дома были проданы под дачи. В одном проживала летом старуха Стечкина с внуками: Оленькой пяти лет и невероятно скучающим городским оболтусом Павликом одиннадцати лет, в другом – странноватый господин Павлов, в любую жару одетый в длиннополый черный сюртук, застегнутый чуть ли не на все пуговицы.

К Павлову иногда приезжали подозрительные молодые люди откровенно уголовной (по мнению деревни) наружности; к Стечкиным по выходным, в заполненных провизией автомобилях, прибывали мама и папа внуков.

Кролики и куры пропадали исключительно в будние дни.

– А оловянную миску у моего Полкана точно Мухин спер, – зачем-то проговорила Матрена.

– Ну, это может быть, – важно согласился Суворов. – По цветмету он у нас главный специалист. Но вот живность... живностью он не пробавляется... В продмаге жирует, просроченные йогурты ночами чавкает.

Матрена задумчиво пожевала губами – действительно, загадка. В деревне народу живет – по пальцам перечесть, а подозревать некого.

– Так ты напишешь Наденьке? Пригласишь ее в гости? – просительно заглядывая в выцветшие Матренины глазки, заканючил сосед. – Свежий взгляд, следственные навыки... Человек тоже свой, что немаловажно.

– Иди ты в баню, Карпыч, – проговорила Пантелеевна и встала с лавочки. Не глядя больше на почтовика, покрутила поясницей, взяла тяпку и отправилась в огород.

– Смотри, не пожалей потом! – крикнул ей в спину сосед, отлично знавший, что спорить с вредной Матреной, упрашивать – бессмысленно. – Тут чертовщина какая-то творится, а ты меры принимать отказываешься!

Из грядок донеслось повторное упоминание о бане.

Часть первая

Деревня Парамоново и ее живые обитатели

На единственной площади приснопамятного Красного Знамени, где встал на прикол пыльный рейсовый автобус, никаких такси с желто-черными шашечками, разумеется, не наблюдалось. Скорее всего, пять минут назад таксомоторы и были, но Надежда Прохоровна, долго дожидавшаяся пока из багажного подбрюшья автобуса достанут ее чемодан на колесиках – замешкалась. Немногие машины расхватали дачники, кого-то встретила родня, кто-то потопал до дома на своих двоих; на площади, окруженной зданиями поселкового совета, почты, магазина и отделения милиции, осталась загорать только столичная бабушка, три часа назад прибывшая в областной центр на московском поезде.

Хорошо, кстати сказать, прибывшая. В купе с кондиционером, на нижней полочке, с приличными попутчиками и крепким чаем под ванильные сушки.

Надежда Прохоровна покрутила головой, погоревала о том, что все хорошее обычно скоро заканчивается, прикинула вес чемодана, поделила его на собственные тяговые силы, умножила на жару и ухабы и решила, что вполне способна докатить его до Матрениного дома: всего-то два километ-

ра леса и поля. Взятась уже за длинную ручку...

К пяточку автобусной стоянки лихо подкатил обшарпанный жигуль баклажанного цвета.

Никаких международных знаков в виде шашечек ему не требовалось, из открытого настежь окошка торчала такая типичная, зазывно улыбающаяся таксистская физиономия под белой кепочкой, что Надежда Прохоровна уверенно покатила чемодан к автомобильному багажнику.

Шофер дернул под панельным щитком какую-то пумпочку, и багажник тут же обнаружил щель...

– Куда поедем? – оценивающе оглядывая вероятную клиентку, еще краше разулыбался частный извозчик. Бабулька ему, сразу видать, попалась не нищая – белое в сиреневых цветах платье из тонкой материи, кружевные носочки под белыми босоножками на удобном каблучке, футы-нуты светлая сумочка в тон, шляпка с полями, чемодан не поцарапан... Высший класс бабулька! Платочком батистовым обмахивается.

– Да недалече, – неожиданно низко пробасила бабушка и промокнула крупный ноздреватый нос платком. – Километра два, до Парамоново.

Таксист вмиг поскутнел:

– Через Синявку не поеду. Там мост гнилой, провалимся...

– А как же тогда? – расстроилась вероятная клиентка и обескураженно поглядела на готовый к транспортировке че-

модан с уже задвинутой ручкой.

– Через бетонный завод надо, – уныло глядя на пустынную площадь, объявил таксист. Зевнул, почесал пузо под замызганной футболкой. – Круг в пятнадцать километров... Только вокруг озера к вашему Парамонову подъехать можно.

– Тогда поехали, – пожала плечами не нищая носатая дачница.

– Триста рублей.

Судя по тону и выражению плутоватых глаз, цену водила заломил несусветную! Даже покраснел слегка и отвернулся. Российская пенсионерка как-никак, не бабушка Рокфеллера.

Надежда Прохоровна мысленно хмыкнула – в Москве за такие деньги от метро до дома два квартала только и доедешь. Не то что круг в пятнадцать километров...

– Поехали, – сказала весело и сразу села на заднее сиденье «жигулей», позволяя таксисту проявить рвение за несусветные триста рублей, закинуть поклажу в багажник.

Повеселевший мужичок лихо перебросил чемодан через бортик, походя ударил по заднему колесу чумазым шлепанцем и довольный прыгнул за руль:

– С ветерком прокачу! Глазом не моргнете.

...В несусветную таксу, судя по всему, входила светская беседа с пассажиром: шофер болтал не умолкая, ругал местные власти, доведшие мост через Синявку до, в полном смысле, губельного состояния, хвастался, что скоро в Красном Знамени построят агрокомплекс, газ уже ведут, дела

пойдут... «Приедете в следующий раз, ахнете! Фонари как в столице, в парке качели на моторчике, лодочки... Датчане каких-то шибко эксклюзивных свиней обещали завезти...»

Надежда Прохоровна почти не вслушивалась в мешанину из ругательных и патриотических речей, смотрела по сторонам и – ностальгировала. Почти до слез.

Родина милого мужа Васи. Через пятнадцать километров покажется погост с его могилкой...

Присматривает ли Матрена за могилой родного брата? Хорошо ли?..

Вася-то Матрену шибко любил. Сестра младшая, единственная, всегда лучший кусок оставлял – баловал. Если на заводе наборы заказные раздавали, всегда баночку-другую консервов откладывал – приедет в Москву сестричка, в деревню дефицит заберет, детишек и родителей побалуует...

А уж как радовался, если сестра с семьей в столицу наезжала! Старался лишний день выходной взять, сводить племянников на аттракционы да в планетарий. Сестре с покупками помочь.

...Промелькнул за окнами «жигулей» поворот на прямую дорогу до Парамонова. Надежда Прохоровна повернулась всем телом и долго, пока та не скрылась, смотрела на дорожную промоину в густом подлеске, что вела в деревню...

Улыбнулась. Вспомнила, как, бывало, снимали они тут с Васей чистую обувь, вешали ее на шнурках через плечо и шли до Синявки босиком. Чтоб, значит, на той стороне

неглубокой речки ноги обмыть, носочки городские надеть и чистым гоголем – по деревенской улице...

Весело шагали. Предвкушали радость встречи и застолье. На Васе связки сушек-баранок бусами висят, обе руки тяжелые котомки со столичными вкусами оттягивают – конфеты фабрики «Бабаевская» и «Красный Октябрь», пряники, консервы...

У Надежды в котомках припасы полегче – чай «Три слова», подарки-тряпочки, мыло душистое, земляничное, хорошие папиросы для деда...

А то в деревенском продмаге какие вкусы? Слипшился конфеты-подушечки и полосатые крыжовниковые? Простые баранки городским деликатесом были! Вася связками, как новогодняя елка гирляндами, обвешивался!

Попозже такими гирляндами туалетную бумагу везли. Майонез, копченую колбаску, сосиски...

А что было, когда мясорубку матери в подарок доставили! Не описать. Такая роскошь.

Когда же это было? Надежда Прохоровна прищурилась – в пятьдесят девятом, кажется. Или уже после Никиты-курузника?..

Совсем память плохая стала. Радость-гордость, с какой свекровь приняла подарок, в память врезались – каждое слово благодарности и умиления Аграфены Васильевны помнила. Помнила, как та слезинки в уголках глаз платочком утирала, как соседки на городскую диковинку приходили по-

смотреть, да в каком порядке... Не забылся даже вкус тех первых котлет, что из мясорубки получились, а не рубились, как прежде, сечкой в корытце! Год только забыла.

А в каком году впервые салат оливье сделала для деревенского застолья, а? По сути, первый салат в деревне был, раньше кроме винегрета ничего мелко не крошили... Когда же это было? Ведь дед еще жив был... Все нос от миски воротил, яркий свекольный винегрет из поселковой рюмочной в пример ставил: мол, бледненький какой-то винегретик у тебя, невестка, поди, невкусный, пресный...

А попробовал – полмиски своротил. Докторской колбаски Надежда в оливье не пожалела, майонезом щедро полила, мягоньких яиц деревенских для беззубого деда в достатке накрошила...

Надежда Прохоровна вспомнила то застолье и усмехнулась. Полмиски дед умял, а спасибо не сказал. Упертый был – винегрет для русского мужика, да под самогоночку, завсегда лучше, острее будет! Нам эти ваши городские выкрутасы вроде бы и ни к чему.

Щи да каша – пища наша, огурец на тарелку целиком положил и – хрусти на здоровье, луком закусывай!

Но майонез каждый раз из Москвы ждал. Не говорил, но ждал. Надя с Васей везли из столицы стеклянные баночки под железной крышкой с пряной килечкой, Аграфена Васильевна загодя кастрюльку вареных яиц готовила, закуска получалась – объединение! Как раз для вредных беззубых све-

кров.

И на поминках свекру не просто черным хлебушком рюмку накрыли, а с килечкой... Как сам любил.

– А в Парамоново тоже обещали газ подвести, – отвлек водитель пассажиру от воспоминаний. – Говорят, земли вокруг Парамонова пустуют, будут там какой-то завод строить. То ли консервный, то ли битумный...

Диапазон местечкового сарафанного радио поражал размахом. От консервирования до битума распространялся.

Надежда Прохоровна не отвлеклась на комментарии, повернулась к окну и погрузилась в мысли. Как-то встретит ее Матрена? Десять с лишком лет ни слуху ни духу...

Обиделась, поди, когда Надежда в последний раз приезжала, да помочь как следует не смогла – руку правую только-только из гипса вынула и на продленный больничный лист к вдовой золовке мотнулась. Про перелом говорить не стала, не привыкла, чтоб жалели, да, видимо, зря. Подумала Матрена, что не хочет невестка в ремонте коровника помогать, городскую белоручку корчит...

Глупо получилось. Обе гордые, оправдываться негордые...

Глупо.

Да жива ли еще Матрена?

Жива, наверное. На десять лет младше, живет на свежем воздухе, без магазинных пестицидов, на парном коровьем молоке...

Надежда Прохоровна вздохнула и крепко стиснула ручку новой плетеной сумочки. А как назад прогонит?! Как – накопила за прошлые годы обиды и, чего греха таить, в маразм впала?

Бывает ведь...

Отбивать телеграмму о приезде Надежда Прохоровна не стала не из страха и гордости. Почти не из страха. Подумала – незачем селянку в горячее время от работы отвлекать. Раньше ведь, бывало, Матрена как готовилась – за десять дней избу скрести начинала! Поросенка, кур под нож пускала! Частушки новые в тетрадочку записывала, блеснуть, чтоб, значит, перед городской родней народным парамоновским творчеством.

Певунья была. Певунья и плясунья. Дед вечно за сбитые на гулянках каблуки корил...

Городская бабушка тихонько улыбнулась. Найти бы ту тетрадочку заветную, да Арнольдовичу привезти, тот, мужик головастый, профессор, придумает, кому показать – прославится Парамоново забористыми прибаутками...

Окружную дорогу баба Надя помнила плохо и вздрогнула, когда, вынырнув из чистого светлого бора, жигуль попал на самый берег. Обрывистый, высокий, все озеро как на ладошке...

Впереди, на той стороне, показалось Парамоново, и сердце сжалось! В горле комок надулся, как будто вся кровь из съжившегося сердца туда перекочевала...

Живая деревенька... Живая, действенная...

Машина подъехала ближе, и от иллюзии действительности остался – пшик.

Надежда Прохоровна закусила губу: один дом заколочен, второй, третий... Дальше не видно. Матренина изба крайняя с этой стороны.

– Остановитесь здесь, – попросила шофера хрипло и, придерживая ватными руками сумочку, выбралась наружу.

Родимый Васин дом. Почти такой же. Яркая зеленая краска облупилась кое-где, повисла чешуйками, но все еще рядная. Наличники белеют, на ставнях выпуклые деревянные цветы – их еще дед резал, кто-то недавно подновил... В палисаднике пышные флоксы ароматы источают, под ними желтый песик с жесткой шерсткой беснуется.

Охранник. Поди, нечасто машины рядом с этим домом останавливаются, дерет собачка глотку, старается...

Шофер вынул из багажника чемодан, выдернул ручку на всю длину, застыл.

Расплачиваться Надежда Прохоровна не торопилась. А ну как от ворот поворот? Матрена женщина своенравная, на язык острая...

А ну их, страхи эти! На могилку к Васе все равно сходить надо! Приютит кто-нибудь из соседей.

Бабушка Надя достала из кошелька три рыжие бумажки, протянула их таксисту...

Из-за дома, на лай собачонки, появилась Матрена Пан-

телеевна. В карамельно-розовых китайских шлепанцах с закрытыми носами, в полосатом костюме (по большому счету – пижаме) того же производства, в белом ситцевом платочке.

Несколько лет назад увидела Надежда Прохоровна по телевизору фотографию подружки английского лорда Чарльза – Камиллу Паркер-Боулз и прямо-таки остолбенела. С экрана телевизора улыбалась сестра Василия Губкина – Матрена из деревни Парамоново! Ну просто копия! Причеша немножко по-другому, глаза-губы подмалюй и на конкурс двойников – призы рубить.

Так что, человек с хорошим воображением вполне может представить выходящую из-за избы Камиллу Паркер в полосатой пижаме с Микки-Маусом во весь живот и ярких шлепанцах, напоминающих формой деревянные голландские башмаки-кломпы.

Матрена сощурила глаза, присмотрелась: кто это с формом на такси к ее дому подкатил?..

Городская какая-то... Носочки, шляпка, сумочку возле груди тискает...

Охнула. Ладони к сердцу прижала:

– Надька... Ты?! – и, спотыкаясь о беснующуюся в ногах собачку, побежала к калитке. – Замолчь, Полкан!

Таксист оформил прощальным клаксоном звуковой фон сердечной встречи. Гудку заливисто вторил Полкан, родственницы общались придушенным волнением шепотом.

– Надька, глазам не верю – ты! Все утро тебя вспомина-

ла, подумала – привиделась ты мне! – всхлипнула, ткнулась влажной потной щекой в шею невестки.

– Здравствуй, здравствуй, Матренушка... – Обычно сдержанная Надежда Прохоровна была готова разрыдаться от переизбытка чувств.

– Не чаяла и свидеться, – всхлипнула золовка. – Ну, пойдем в дом. – Поднялась на крыльцо, обернулась к гостье и недоуменно покачала головой. – Все утро только о тебе и думала, и надо же – приехала... – Удивленно разглядывая Надежду Прохоровну, взялась за дверную ручку, потянула. – Ах, бестолковка! Заперла ведь дом!

Удивленная в свою очередь, Надежда Прохоровна смотрела, как странно долго разыскивает Матрена ключи от врезного замка: раньше, когда ходили за дом на огород, дверей в деревне не запирали. Не хоронились.

Да и сейчас, по всей видимости, навык еще не наработан: Матрена никак не могла вспомнить, куда положила ключ, хмурилась, губами шевелила.

Потом нашарила его за притолокой и на конец-то распахнула дверь:

– Входи, Надежда. Сейчас чай поставлю, попозже баньку затоплю...

Прохладные полутемные сени навсегда пропахли немного больничным яблочным духом. В углу, на привычном месте, стоял большой алюминиевый бидон с колодезной водой, поверх его крышки лежал все тот же щербатый эмалированный

ковшик со вставленной в полую ручку длинной деревяшкой.

За годы деревянная часть ручки отполировалась до полной гладкости, Надежда Прохоровна подцепила со дна бидона немного голубоватой парамоновской воды, напилась и...

Словно в прошлое вернулась! Помолодела лет на двадцать. Яблочный запах, вкус воды изнутри, до самого нутра, пробили! Память хлынула на голову тяжелым водопадом... Свекор с груженными саночками тащит бидон от колодца, Аграфена Васильевна громко уговаривает корову не баловать на дойке, все сени сапогами и валенками заставлены – гости в дом приехали...

Едва не ударившись о низкую притолоку толстенной двери – сколько они с Васей шишек тут набили, помнится! – Надежда Прохоровна вошла в чистенькую светлую горницу, замерла у порога, чувствуя, как бьется в горле удушающий комок пульса... Огляделась сквозь подступившие слезы.

Изнутри дом как будто съезжился. Навис потолком, сдвинулся стенами...

Бежевые в розовый цветочек обои немного засидели мухи по углам. Со старых пожелтевших фотографий неулыбчиво и строго смотрят свекор со свекровью – не просили прошлые фотографы молодую пару улыбнуться вылетевшей «птичке» или сказать «чи-и-из», как нынче принято. В каждой российской избе висят на стенах такие чинные фотопортреты неулыбчивых родителей, серьезных бабушек, степенных дедов в военной форме...

Надежда Прохоровна нашарила в сумочке очки, нацепила их на нос и подошла к цветной мешанине фотокарточек детей и внуков Матрены...

Елена... Дима... Сын улыбается, опираясь на броню моточного танка, Надежда Прохоровна присмотрелась к погонам – лейтенант еще... Сейчас, поди, полковник... Дочь Елена держит на руках годовалого щекастого карапуза – внук...

– Надь! – раздался голос Матрены. Золовка суетилась за фанерной перегородкой, отгораживающей кухню от комнаты, ставила на плиту чайник, метала припасы из холодильника. – Ты чемодан-то в Еленкину комнату определи! Там кровать чистая, комната прибранная...

Прибранная. Видать, ждет мать детей в гости каждую минуту, любую пылинку в их комнатках сдувает...

Надежда Прохоровна вернулась в сени, высоко подняла чемодан и, не касаясь его колесиками чистых половиков, пронесла до узкой девичьей светелки с панцирной кроватью, украшенной горкой мягчайших подушек под кружевной накидкой. Поставила чемодан под полированный письменный стол Елены Ковригиной. Огляделась – отличница и родительская гордость Леночка улыбалась гостю с большой школьной фотографии. На груди отличницы сверкает эмалью комсомольский значок, два пышных белых банта украшают аккуратную русую головку...

Дал Господь Матрене деток. Не поскупился на радость. Дима танковое училище окончил, Еленка на учительницу

выучилась...

Надежда Прохоровна достала из чемодана пакет с гостинцами и вернулась в горницу. Походя бросила взгляд на безукоризненно заправленную Матренину постель в углу под окошком и зацепилась взглядом за молоток, лежащий на стуле в изголовье кровати.

Удивилась. Аккуратистка Матрена гвоздь вбивала и забыла инструмент прибрать?

Потом вспомнила запертую входную дверь – это днем-то, когда сама в огороде?! – нахмурилась и пошла на звон посуды к кухне.

Матрена заварила чайник и щедрыми ломтями нарезала колбасу.

– Какая же ты молодец, Надька, что приехала! – говорила и ласково шурилась. – Прямо сказать не могу – какая молодец! Тыщу лет не виделись! Неси чашки в горницу, чай поспел.

Надежда Прохоровна взяла две большие чашки в алых маках, но из кухни не ушла, постояла немного и все же задала вопрос, мучивший ее последние минуты:

– Матрен, а что – в деревне не спокойно? Шалят?..

Большущий острый нож промахнулся мимо батона полукопченой колбасы, золовка подняла на гостью округлившиеся глаза...

– А ты откуда знаешь? – выговорила едва слышно и, замерев в удивлении, разглядывая невестку округлившимися

глазами, прижала руку с ножом под грудью. – Сказал уже кто-то?!

– Чего сказал? – пытливо проговорила гостья.

– Дак это... про убийство...

– Про убийство? – подняла брови баба Надя. – А кого убили?

– Дак Федьку! Соседа нашего.

– Нет, – задумчиво покрутила головой Надежда Прохорова. – Мне никто ничего не говорил. Просто у тебя молоток рядом с кроватью лежит, и дверь ты стала запирать.

Матрена так и села на табурет. Поглядела на родственницу слегка восхищенно и покачала головой:

– Неужто не ввали в газете... Неужто ты сама... Ты, Надя, взаправду все сама заметила и сразу поняла – шалят в деревне?

– А чего ж тут замечать? – пожала плечами Надежда Прохорова. – Все на виду – и молоток, и запертая дверь.

– Ну и ну, – проговорила Матрена Пантелеевна. – Прав Фельдмаршал, не все в газетах враки...

Сколько помнила Надежда Прохорова Матрену Пантелеевну, та всегда отличалась редчайшим скепсисом по отношению к печатному слову. Просто до бешенства невестку доводили статьи про «славные колхозные будни», про «битвы за урожай», про «знатных доярок», которым лучших колхозных коров подпихивают и рекордсменок делают. Родись Матрена Пантелеевна чуток пораньше, загремела бы на Ко-

лыму, как ярая антисоветчица, и не вылезла бы оттуда до самой перестройки.

Хотя... если вспомнить, и при перестройке Матрену могли в психушку запереть. «Пятнистого» Михаила Сергеевича она тоже не шибко жаловала, жалкую участь и вечный позор ему предрекала. (Наверное, по общей неуживчивости характера и невозможности удержать ядовитый язычок на привязи.)

– А что за Фельдмаршал такой? – слегка улыбнулась воспоминаниям Надежда Прохоровна.

– А, – отмахнулась золовка. – Баламут один. Ты его, наверное, не вспомнишь – Сережа Суворов. Карпыч. Раньше важный был, с портфелем под мышкой по деревне бегал – заведовал почтой в Красном Знамени, бо-о-ольшой начальник. Нынче на пенсию выпихнули, так поутих. К народу приблизился.

«Язва, – с ухмылкой подумала Надежда Прохоровна. – Как есть – язва. Ничуть не изменилась, языком как бритвой бреет».

– Он про тебя статью в газетке еще давно вычитал, так нынче три недели за мной хвостом ходил – вызывай да вызывай родственницу из Москвы для следствия! Чуть умом от его трескотни не тронулась... – сказала, запнулась и, неловко хмурясь, поглядела на гостью снизу вверх. – А может, и зря не тронулась... Зря тебя не вызвала... Может, и был бы Федька живой... А я с молотком у кровати, в запертой избе

от духоты не маялась... У меня ведь, Надежда, вчера днем кто-то в избе пошарил...

– Обокрали?! – ужаснулась Надежда Прохоровна и села на краешек лавочки у печки.

– Да нет, – отмахнулась золовка. – В серванте, где документы и всякие бумажки лежат, пошарил, но ничего не взял.

– А было что взять?!

– Дак... рублей пятьсот от пенсии остались... колечко золотое, сережек пара...

– Странно, – свела брови к переносице «знаменитая» московская сыщица. – Для лихого человека – рубль пожива.

– Вот то-то и оно! – стукнула кулаком по столу Матрена. – Я как шмон-то этот обнаружила, чуть умом от страха не тронулась! Одна ведь! Полкана пинком перешибешь! Один толк от него, что звонко брешет.

– А где ты была, когда в доме шарили?

– В огороде.

– А почему Полкан не брехал?

– Так собаки не брехали, когда и Федьку убивали, – понизив голос до зловещего шепота и приблизив раскрасневшееся лицо, проговорила парамоновская жительница. – Наш это кто-то, Надька. Собакам хорошо известный. Мой-то Полкан самый звонкий на деревне, так даже разик не брехнул, когда по дому шарили...

– А ты уверена, что шарили?

– Так тесемочка от папки с документами в щели торчала, –

все тем же трагическим шепотком, от которого мурашки по спине бегали, докладывала Матрена. – Я как в дом вошла, сразу непорядок заметила. Торопился кто-то, бумажки не в полном порядке оставил, не как у меня было. – И вдруг прижала обе руки к впалой груди. – Христом Богом тебя, Надежда, молю – найди лиходея! Я ж сегодня ночью ни минутки не спала! От каждого шороха вздрагивала да за молоток хваталась!

Совсем не так рассчитывала Надежда Прохоровна провести первый вечер в Парамонове. Надеялась посидеть душевно под чай да рюмочку, принять наливочки за помин души мужа и прочих родственников... Утром на погост по холодку сходить...

А вон как вышло. Сидит над разрезанной колбасой перепуганная Матрена, лицо английской леди в испуге кривит, страхи перечисляет...

Надежда Прохоровна вздохнула. Какие клятвы этой зимой себе давала – никаких расследований больше – чудом живая осталась! Да при полном рассудке. А вон как – снова, как скажет Лешка, вляпалась. Да все не по своей вине.

– Рассказывай, – сказала хмуро. – Кого подозреваешь?

– С самого начала? – послушно, на школьный манер, сложила перед грудью на столе натруженные руки золовка. – С пропажи курей?

– У вас еще и куры пропадали? – уточнила Надежда Прохоровна.

– И кролики, – с готовностью кивнула парамоновская жительница.

Если выжать историю досуха, избавиться от охов, ахов, страхов, то начиналось так: стала в деревне Парамоново исчезать мелкая пернатая и ушастая живность.

Поначалу односельчане дружно грешили на местного бедокура Федьку Мухина, но тот все время предоставлял безукоризненное алиби – ночами, когда живность испарялась, караулил Мухин продмаг в поселке. Работал то есть, и вроде бы живность ему действительно ни к чему – расплачивались с Федькой не только сторублевками, но и подпорченным провиантом, так что не голодал, не бедствовал, пошли все на фиг.

В досаде от безысходности и бездейственности правоохранительных органов в лице участкового Кузнецова Андрея Власовича кроликовод Суворов устроил на вора засаду (с фотоаппаратом для доказательства лихого промысла), но толком никого не выследил, а только пострадал. Когда темной ночью фигура злоумышленника кралась к кроличьим клеткам, Фельдмаршал неловко высунулся из-за сарая и получил в лицо горсть ветхой соломы, что сгреб злоумышленник из пустовавшей клетки да все глаза ему запорошил. Хозяин кроликов от неожиданности грохнулся навзничь, но пару раз все же успел щелкнул фотоаппаратом.

Вор убежал, а ослепший кроликовод отправился к соседу

Павлову Герману Аркадьевичу, чтоб тот отвез его в больницу на промывания глаз от соломы пополам с пометом.

Павлов быстренько проявил к пострадавшему сострадание, отвез кролиководу в районную больницу и вернул обратно уже под утро с нашлепками на глазах.

Примерно в полдень прозревший Фельдмаршал пошлепал к Мухину, чтобы вернуть пригретый соседом моток изолянта – Федька просил одолжить «немножечко» липкой ленты рукоять треснувшего тесака обмотать, но так моток и не вернул. Сергей Карпович нашел соседский дом запертым изнутри, постучал, поколотился и, решив, что сторож Федя не только ночью продмаг караулил в поселке, сколько с друзьями пьянствовал, а теперь отсыпается, пошел в обход дома к окнам горницы.

Едва он завернул за угол, как промытый острый глаз почтовика сразу же приметил неладное: под окном «гостиной» господина Мухина валялось выставленное стекло с коричневым мазком почти по всей диагонали.

«Кровь!» – как рассказывал Фельдмаршал, сразу понял он. Пригибаясь, подкрался к низенькому окошку, встал на будто нарочно поставленный у стены камушек, заглянул в дом...

И вот тут-то все парамоновские собаки не оплошали – залаяли как одна!

– А-а-а-а!!!

Этот оголтелый вопль расслышала даже Матрена Панте-

леевна на другом конце деревни.

Позже почтовик признался – почудился ему шорох за спиной. Перед глазами страшный окровавленный Федька в оскале зубы показывает, за спиной шуршит чего-то, скатился Сергей Карпович с поставленного у стены камушка и завopil что было силы, чтоб, значит, самому на нож не напороться. Вдруг бродит лиходей вокруг дома убиенного сторожа – новую жертву поджидает?!

– Следственная бригада на место приезжала? – хмуро покусывая шоколадный пряник, поинтересовалась баба Надя.

– Приезжала, – кивнула Матрена Пантелеевна. – Но сначала участковый Кузнецов на «газоне» прибыл. Городские, из района, уже потом, часов через восемь, подкатили...

– Какие выводы сделали?

– Простые – убили Федьку.

– Это понятно, – терпеливо согласилась Надежда Прохорова. – Когда, чем, какие еще телесные повреждения обнаружили на теле, что пропало, следы борьбы в комнате были?

Матрена с уважением поглядела на опытную в милицeйских делах родственницу и стала отвечать по пунктам, но с последнего вопроса:

– В доме порядок был. Убили, говорят, где-то в полночь, два раза шилом в спину ткнули. Насчет пропало – не знаю, брать особенно нечего. Мобильный телефон разломанным на полу валялся – может быть, давно раскурочил его Федька, может быть, в ту ночь уронил и разбил... Об остальном луч-

ше у Карпыча спросить, Кузнецов ему велел улицу под окнами сфотографировать, городские в деревню могли только к ночи добраться. Ну, Фельдмаршал и нащелкал дом и Федьку во всех видах.

– Толковый у вас участковый, – задумчиво проговорила бабушка Губкина.

– Это Андрюшка-то?! – неожиданно возмутилась местная жительница. – Лентяй первостепенный! Только с самогонщиками и дебоширами и делает вид, что борется! А как чего пропало – не помню, чтобы и нашел! Вот в позапрошлом годе корову в Сельцах увели... Так если бы хозяева сами ее в приемном пункте мясокомбината не укараулили – пропала бы Буренка! У Кузнецова хозяйство в Сельцах огромное, он больше о своих посевах печется, чем об имуществе соседей!

– Понятно, – вздохнула городская гостья. – Но хоть какие-то выводы он сделал? Подозреваемые есть?

– Алкаши из Красного Знамени, – кивнула Матрена, – собутыльники Федькины. Федька ведь металлом баловался, могли чего-то не поделить...

По лицу Матрены Пантелеевны было видно, что эту версию она считает глубоко неправильной, отдающей ленью и формализмом. Что и подтвердили следующие слова:

– Глупость все это, Надя. Когда к Федьке пьянчуги из Красного Знамени приходят – Полкан их за версту лаем встречает. Они ж прошлым летом умудрились его алюминиевую миску от самой будки утащить. Полкан их на дух не

переносит. Да и Гаврош у Карпыча знак бы подал... Соседи они с Федькой.

– А кто вообще мог Федора убить? Кто сейчас в деревне живет?

Матрена сделала большой глоток остывшего чая и мотнула головой в сторону окна:

– Вон видишь наискосок от нас крыша зеленая, черепичная? – Надежда Прохоровна привстала с табуреточки, глянула в окошко. Большой двухэтажный домина под хорошей крышей возвышался над крепким забором, посверкивая чистенькими окнами второго этажа. Помимо флюгера-кораблика верхушку дома украшала тарелка спутникового телевидения. – Сычи. Шесть лет назад переехали, когда узнали, что газ ведут. Почитай, всю землю вокруг деревни в аренду взяли – хозяйствуют. На той неделе видела – плиту газовую на семь конфорок из города приволокли – готовятся к человеческой жизни.

Попивая чай, Матрена Пантелеевна рассказала о том, как отставной прапорщик Тарас Сыч перевозил из города серванты и ковры, жену, мамашу, дочь-невесту. Как кусок за куском отвоевывал бесхозные пахотные земли. И было в голосе Матрены больше одобрения крепкого хозяйственника, чем черной зависти селянина к пришлому богатею, устроившему на родимой улице вольготное поместье.

– Работящий мужик. Сам с утра до ночи ломается и бабам своим спуску не дает. Дочь замуж выдал, сейчас уже двое

внуков-погодков по двору бегают.

– Федька, поди, им много бед доставлял? – понимающе прищурилась Надежда Прохоровна.

– Было дело, – согласилась сельчанка. – Но отвадили. Дениска-то, зять Сычовый, поначалу каждую неделю Мухе морду канифолил. Да потом вроде как подружились – рыбакки оба и выпить лишний раз не прочь. Денис мастером на бетонном заводе работает, хорошую деньгу зашибает, Сыч на его загулы сквозь пальцы смотрит, но караулить – караулит. Не позволяет в будние дни лишнего.

– А убили Федора, как я понимаю, в ночь с пятницы на субботу?

– В точку говоришь. Дениска тем вечером домой с работы приехал – от Сычей на той неделе свежей самогонкой через забор тянуло, готовились к выходным, значит.

Надежда Прохоровна пытливо и долго смотрела на родственницу, словно важный вопрос глазами задавала...

– Семья Дениску отмазала, – понимающе вздохнула Матрена Пантелеевна. – Сам Сыч сказал – до поздней ночи в бане парились, потом по рюмочке приняли и на боковую. Мол, дома сидел Дениска, на улицу ни шагу.

– А ты как думаешь?

– А что мне думать? – вздернула плечи золовка. – Федьку заточкой или шилом в спину два раза ткнули, печенку и легкое пропорол... А Дениска мог его одним кулаком зашибить.

– Н-да, – крякнула Надежда Прохоровна. – Удар заточкой – приметный, зэковский...

– Вот-вот! И Карпыч так сказал – урка Мухина прире-зал! – Помолчала немного, подумала: – Только где ж его взять, урку этого?

– А кто еще в деревне сейчас живет?

Щурясь и загибая пальцы, Матрена перечислила немногочисленное парамоновское общество:

– Два года назад Герман Павлов у Николаевны дом купил. Сама-то она в город к детям переехала... Прошлым летом Стечкины дом у колодца под дачу купили... Живет там бабушка Капа с двумя внуками... Ну, я, Терентьевна, Карпыч... Остальные дома заколоченные стоят.

– Павлов убить не мог, – пробормотала баба Надя, – он вашего Фельдмаршала в поликлинику возил.

– Не скажи, – усмехнулась Матрена Пантелеевна. – Фельд-маршал рассказывал – когда из поликлиники вышел, маши-ны Аркадича на стоянке не было. Якобы в круглосуточный магазин за продуктами ездил, а на самом деле... – Невестка развела руками. – От нас до райцентра сорок минут езды. А Фельдмаршал два часа в больнице провел – пока врача дождался, пока глаза промывали да укол для дезинфекции де-лали...

– А продукты, что Павлов покупал, Суворов видел?

– Не знаю, – задумчиво покачала головой Матрена, по-молчала, гоняя по загорелому лицу недоуменные морщи-

ны. – Странный он какой-то, Герман этот. Вроде образованный. Ходит весь в черном, на пуговицы доверху застегнутый, за два года в огороде клубня картошки не посадил... Приезжают к нему всякие – подозрительные...

– Это какие же?

Матрена склонилась над столом, зашептала:

– А подозрительные. Молодые да стриженные либо патлатые. Ведут себя тихо. Не пьют. С девками не шебуршатся. Мы с Терентьевной думаем – не сектанты ли, а?

«Понятно, – внутренне усмехнулась баба Надя. – По моему деревни, если мужик не пьет и картошку в огороде не сажает, значит – сектант».

– Я вот за два года ни разу в его доме не была... Не пускает Герман никого... Может, там капище какое, а, Надежда?

Надежда Прохоровна фыркнула. Но комментировать предположение не стала – всякое бывает, на деревне глаз у людей зоркий, а она этого Павлова еще и не представляет. Помнится, несколько лет назад сама своего соседа-профессора Арнольдовича за полоумного чудака принимала.

– Карпыч к нему в дом несколько раз пытался прорваться – все ж образованные мужики, нашли б о чем поговорить, но дальше сеней не попадал. Встает Герман в дверях, за косяки держится... Смотрит, как будто колья в глаза вбивает – брррр! Точно – сектант!

Сказала, откинулась назад, вроде бы добавить чего по делу собираясь, но, бросив взгляд в окошко, пробормотала

огорченно:

– О, помяни только черта...

– Павлов? – привставая с табурета и вытягивая шею в сторону окна, предположила баба Надя.

– Как же! – фыркнула золовка. – Фельдмаршал собственной персоной несется! Наверное, доложили уже о твоём приезде...

По полыхающей под закатным солнцем улице торопливо шагал невысокий коренастый субъект в одетой поверх майки распахнутой рубашке, в теннисных туфлях на босу ногу, с фотоаппаратом на груди. Что-то отдаленно знакомое было в его лице, но припомнить Суворова на застольях в этом доме Надежда Прохоровна так и не смогла. На улице мелькал, здоровался важно, но простых сельчан тогда визитами не баловал.

Нынче же, пробегая мимо Полкана, поздоровался даже с собакой. Песик ответил ему ленивым «тяф», из лопухов вылезти и не подумал, постукал по травке жестким хвостом и сонно смежил веки. На улице было все еще жарко.

В сенях забухали шаги, Надежда Прохоровна села прямо, поприветствовать Матрениного соседа приготовилась...

О приезде столичной «знаменитости» никто Фельдмаршалу доклад не сделал. Шагнув через порог, Суворов замер на полуслове с разинутым ртом и так посмотрел на гостью, что Надежде Прохоровне захотелось убедиться, не измазалась ли она ненароком сажей. Не выглядит ли чудищем за-

морским?

– Здравствуйте... – выдохнул Суворов. – Это... вы? Уже?!

– Что значит – уже? – возмутилась непонятной реакции соседа Матрена Пантелеевна. – Ты чего несешь-то, Карпыч?!

– Так я это... того... Здравствуйте, говорю. С прибытием! – И шаркнул ножкой. – Долго же вы нас не навещали, Надежда Прохоровна! – Засеменил к столу, кланяясь при каждом шаге, табуреточку умелым движением мыска из-под стола выдвинул, сел, лучезарно улыбаясь. – Как столица? Как железнодорожное сообщение, хорошо доехали?

– Здравствуйте, Сергей Карпович, – чинно, пряча смешок, поздоровалась Надежда Прохоровна. – Столица не хворает, доехала удобно – в мягком.

Фельдмаршал нетерпеливо побарабанил по столу короткими толстыми пальцами, понадувал щеки...

– А у нас, знаете ли, не все в порядке... Лихие дела у нас творятся...

– Да наслышана уже.

– Ах вот как? – поднял густые рыжеватые брови бывший начальник. – Ну, тогда я сразу к делу. – И всем корпусом развернулся к хозяйке дома: – Умыл я Кузнецова, Матрена Пантелеевна. Как есть – умыл!

– Чем же это? – нахмурилась Матрена.

– А вот смотри, – глубокомысленно задирая палец вверх, приступил почтовик. – Ходил я сегодня в Знамя за свежей прессой, повстречал там Игоря Матвеевича – агронома быв-

шего, и вот что он мне рассказал. – Сергей Карпович сделал театральную паузу, обвел слушательниц глазами. – В ночь с пятницы на субботу возле Синявки до утра простояла застрявшая в грязи машина с городскими рыбаками. Гости к агроному приехали, всю вечернюю и утреннюю зорьку с моста и у переправы рыбу ловили, трактор только в семь утра приехал, «Ниву» из грязи вытащил.

– И что?

– А то! – Палец снова указал на потолок. – Рыбаки вначале хотели на тот берег перебраться, по целой стороне моста проехать, но «Нива» юзом пошла – въезд на мост собой перегородила. Чтоб с моста ловить, мужики через капот перебирались. Сечешь, Матрена Пантелеевна? Из Красного Знамени никто в Парамоново прийти не мог. На «Ниве» сигнализация, я специально у Матвеевича спросил: если бы кто через капот ночью перебирался – взвизгнула бы! Да и так Матвеевич сказал – не было никого на дороге. Они всю ночь у костра возле машины просидели, уху и водку трескали.

– И что нового ты принес? – пожала плечами Матрена. – Я и так знала – никто к нам той ночью не приходил. Собаки-то не брехали.

– Это ты знаешь! – взвился Фельдмаршал. – А Кузнецов заладил – пришлые алкаши, пришлые алкаши. Я ему сто раз сказал – не было никого в деревне. Когда Федька предположительно еще жив был, мы с Германом на машине к бетонному заводу ехали – никого и на той дороге не встретили.

– Может быть, убийца в придорожные кусты спрятался, когда вы проезжали? – предположила Надежда Прохоровна.

– Может быть, – согласился почтовик. – Только вряд ли и зачем? Федор с мужиками с бетонки не дружил. У нас тут истари заведено – поселок, где бетонный завод стоит, со знаменосцами вечно стенка на стенку ходит. А Федька главный горлопан, заводила, ему бетонщики раз двадцать бока мяли.

– Так может и – того? «Домяли», наконец?

– Да не было никого чужого в деревне! – взмолился Суворов. – Я с Федькой в соседях – через забор, Гаврош чужака на сто метров близко не подпустит – облает!

Надежда Прохоровна обвела парамоновцев сочувственным взглядом. Жить в деревне, где вначале живность пропадала, а потом до убийства дошло, не сладко. Не то что молоток к кровати станешь подкладывать, капканы медвежьи по дому расставлять начнешь. Страх дело сурьезное, для мозгов опасное, не заметишь, как с катушек слетишь и на своих кидаться станешь – не шибкая беда, если с молотком, у зажиточных соседей Сычей, поди, и ружьишко имеется... Опасно это, когда все вокруг свои, но в подозрениях. Надо помочь Матрене...

Сочувственный взгляд московской гостьи Суворов понял правильно, пододвинулся, положил локти на стол и сказал проникновенно:

– Я, Надежда Прохоровна, скоро не то что воров ночью перестану караулить, Гавроша с собой в постель класть нач-

ну! Во как. Допекли меня мысли страшные, сил никаких нет.

Матрена смотрела на родственницу не менее проситель-но, с надеждой в глазах, бабушка Губкина пошевелила бровями, потерла висок в задумчивости:

– На место преступления взглянуть можно?

– Конечно! – обрадованно подскочил Суворов и ловким пинком загнал табуретку обратно под стол. – Пойдемте, дорогая Надежда Прохоровна!

Надежда Прохоровна отправила золовке сомневающийся взгляд – помочь тебе, Матрена, хотела, приготовить что-нибудь вкусненькое на ужин, – но услышала твердое:

– Иди, Надя. Надо лиходея определить. Если поможешь, всей деревней в ножки поклонимся. От Кузнецова мало толку. – И встала прежде гости. – Иди, а я пока картошечки пожарю, свининка у меня свежая есть, огурчики малосольные...

Безветренный теплый вечер пах прожаренными солнцем травами. Мелкая белесая пыль забивалась в босоножки, пачкала городские ажурные носочки, Суворов уверенно месил песок холщовыми тапками и вводил сыщицу в курс последних парамоновских вестей:

– Все пришлые как нарочно расселились на той стороне деревни. Сычи, старуха Стечкина с детьми, Черный... то есть Павлов. Мы его за одежду Черным прозвали... Наши все, кроме Матрены, рядышком живут – вот. – Обвел рука-

ми два относительно приличных палисадника и один запущенный. – Я живу между Глафирой Терентьевной и домом покойного Мухина. Соседаствуем.

О том, что несколько лет назад купил Фельдмаршал у пропойцы Мухина приличный кусок угодий за баней под кроличьи клетки, оповещать не стал. Кому какая разница, раз ударили по рукам добровольно за два пузыря «Столичной»? Земля-то все равно пропадала...

Недолго повозившись с веревочкой-запором на Фединой калитке, Суворов пригласил Надежду Прохоровну во двор покойника:

– Проходите, сейчас окно покажу, откуда Федьку увидел... Или, может быть, сразу в дом пойдем?

– А разве он не опечатан? – удивленно подняла брови бабушка Губкина.

Фельдмаршал хитро прищурился:

– Милиция только входную дверь опечатала. А я... того... – поднял вверх указательный палец. (Как поняла уже Надежда Прохоровна, данный, усиливающий внимание жест был наиболее употребимым в арсенале начальника почтальонов.) – Когда милиция уезжала, заднюю дверцу только камушком припер. Щеколду не задвигал, как чувствовал, что проникнуть понадобится.

Надежда Прохоровна, не слишком одобряя хитрого почтовика, покрутила головой:

– А когда Федора убили, задняя дверь заперта была?

– Да, – твердо ответил Фельдмаршал. – Все двери, все окна были заперты изнутри. Даже то, что с выставленным стеклом стояло. Пойдемте, – поманил за собой, – к задней двери все равно вокруг дома обходить, так что место, откуда я в дом заглянул, по дороге будет. Эх! Знал бы, что вас встречу, снимки с места преступления с собой захватил! Я ж, Надежда Прохоровна, все тут заснимал. Кузнецов сказал – действуй, Сергей Карпыч, вдруг районные опять с разряженной камерой приедут.

Довольно узкая, заросшая сорняками и крапивой тропка тянулась между домом и старыми корявыми яблонями. Суворов подвел Надежду Прохоровну к окошку с забитой фанеркой нижней четвертью, зябко поежился и мотнул подбородком:

– Тут. Тут и стекло выставленное валялось, вот и камушек, на который я взгромоздился...

Надежда Прохоровна привстала на шаткий валун, осторожно провела пальцем по засохшим, выщербленным кускам красноватой оконной замазки, гвоздики, которыми стекло непосредственно к раме крепилось, нащупала...

– А стекло-то давно выставляли, – пробормотала под нос, но Фельдмаршал расслышал:

– Федька через это окно часто сам лазал. Когда мать-покойница еще жива была, так запирала его в доме, чтоб на пьянки не бегал. А он выставит стекло и был таков.

– Узкое, – тихонько удивилась баба Надя. – Тут только

ребенку и пробраться...

– Так Федька – усох. Высушили пьянки, издали на тощего подростка походил.

В сгущающихся вечерних сумерках ничего в комнате Надежда Прохоровна не разглядела; осторожно слезла с камня и пошла впереди Суворова по тропке.

Почти все дома Парамонова имели выход в сараи и коровники-свинарники прямиком из дома с тыльной стороны. Там же располагались нужники, там же дрова для печек хранились – удобно, не нужно под дождем и снегом по двору бегать, все под одной крышей. Суворов обогнал гостью, откатил крапчатый валун, подпирающий дверь большого сарая, и широко распахнул дверь из неплотно пригнанных досок:

– Прошу.

Непосредственно сарай Надежду Прохоровну интересовал мало. Щедро заваленный разнообразной рухлядью, он давно потерял первоначальное предназначение, в закутке для свиней валялись ржавые бочки и велосипедные колеса, верстак подломился от старости и тяжести каких-то железяк, что собирал рачительный воришка по всем колхозным межам. Воняло сортиром и душной пылью.

Непрошенные гости прошли через сарай, поднялись по ступеням непосредственно к дому и, пройдя узкую кухню, попали в комнату, где воняло ничуть не меньше. Из кухни несло прокисшим луком, который никто не удосужился по такой жаре убрать со стола, залитый кровью диван распространял

и вовсе удушающие миазмы.

Надежда Прохоровна зажала нос и задышала ртом.

– Федор тут лежал? – спросила гундосо, показывая глазами на диван. – Или сидел?

Суворов подбежал к дивану, раскинул руки крестом, далеко назад закинул голову и, приседая над диваном, изобразил позу мертвеца.

– Когда в окно заглянул, – прохрипел он, не меняя положения головы, – с ним глазами встретился. – Почтовик выпрямился и изобразил уже себя, просунувшего нос в дырку. – Федька под самым подоконником лежал, как будто кого в окне разглядывал или ждал. Упокой, Господи, его душу... – Передернув плечами, пожаловался: – Я как с ним лицом к лицу встретился, чуть сам дух не испустил...

Присмотревшись, Надежда Прохоровна заметила, что оконная рама заперта на оба шпингалета, подошла к окну, подергала железный штырек верхнего запора – туго. Противно скрипя, тот поддался только на несколько миллиметров, из потревоженных щелей посыпалась сухая замазка...

– Окно так и было закрыто на все шпингалеты или это уже милиционеры перед отъездом заперли?

– Нет, – с готовностью отозвался Фельдмаршал. – Тут все как есть – стекло выставлено, шпингалеты заперты, фанерку я сочинил, пока эксперт работал.

Надежда Прохоровна отошла от окна в центр довольно просторной комнаты, огляделась – света маловато, но еще не

темень. Комната носила следы милицейского осмотра: с полукрытых полок шифоньера свисали обтрепанные рукава скомканных рубашек, дырявые носки валялись тут и там, какие-то бумажки белели на полу, на узкой панцирной кровати с протертым до дыр засаленным бельем стоял, по всему виду, выдвинутый из-под постели старинный чемодан с какими-то пыльными проводками-железками. В ногах кровати примостилась тумба с квадратным пятном, очерченным пылью.

– Тут телевизор стоял? – задумчиво предположила баба Надя.

– Стоял, – согласился абориген.

– А где он теперь?

Сергей Карпович огляделся кругом, пожал плечами – может быть, пропил?

Надежда Прохоровна прошлась по комнате, решила, что больше ей тут искать нечего – если что и было, следственная бригада под протокол изъяла, и вышла обратно на кухню.

На прикрытом длинной, прожженной во многих местах клеенке рядком лежали очищенные протухающие луковицы, скобленая морковь, горка горошин черного перца и несколько лавровых листков. На подоконнике стояли закаточная машинка и с десятков жестяных крышек под стеклянные банки. Говорящий набор для глаза опытной хозяйки. Надежда Прохоровна повернулась к печке, засунула голову в глубь ее прокопченного чрева и разглядела то, что, впрочем, и ожи-

дала увидеть – обугленный бок припрятанной скороварки, которую приехавшие милиционеры то ли поленились доставать, то ли не заметили, то ли обратно в печку почему-то запихнули...

Выпрямилась, обернулась и сразу увидела запрятанный за шкаф крошечный телевизор с усиками переносной антенны на верхней крышке.

Готовился Федя, усмехнулась понятиливо. Поглядела на замершего у косяка Карпыча, но никаких догадок озвучивать не стала. Бывают иногда даже подобные явные догадки обманчивыми.

– Ты тут фотографировал? – спросила только.

– Два раза щелкнул – стол и закрытую дверь, – кивнул тот. – Кузнецов попросил уделить основное внимание месту преступления.

– Так весь дом – место преступления, – недовольно пробурчала баба Надя и покачала головой. – Дулина на вас нет...

Славный майор Дулин – знакомый бабы Нади начальник убойного отдела – за такое головотяпство с участкового семь шкур спустил бы. Если уж взялся милицейскому эксперту помогать – так фотографируй все как есть, а не только труп в пяти ракурсах и выбитое со стороны улицы стекло!

– Дак понятное дело, – пожал плечами Суворов. – Кому охота убийство алкаша раскрывать – откинул тапки Федька, и ладно. Воздух чище. Вот когда в прошлом году на директора бетонного завода покушение было! – Палец почтовика

взвился к потолку. – Тогда – да. Тогда – весь район на уши поставили!

– Поймали преступников? – Надежда Прохоровна сняла очки с уставших от потемок глаз, поморщилась, поморгала и оставила очки болтаться на шее на кожаном шнурочке.

– Тех, что машину директорскую обстреляли, – нет. Но кого-то арестовали. Говорят, рейдеры пытались на завод наехать, но наши отстояли.

– Понятно, – кивнула баба Надя. – Пошли, Карпыч, больше тут делать нечего.

Свежий воздух радовал лицо и легкие прохладой и отсутствием вони. Суворов возился за спиной Надежды Прохоровны, налаживая обратно каменюку под заупрямившуюся дверь, баба Надя смотрела вперед, через заросший бурьяном огород на озеро, выглядывавшее из-за деревни. На темную громаду заброшенного военного санатория на том берегу. Когда-то этот дом был красивейшей барской усадьбой, потом дачей партийных сановников, потом военные его под себя забрали, стали офицеров на лечение привозить...

Чу! За забитыми досками огромными окнами санатория проскользнул огонек. Надежда Прохоровна быстро надела очки, пригляделась...

– Карпыч, а что – в санатории снова люди?

– Какие люди? – обернулся Суворов, приладивший на место булыжник. Проследил за взглядом бабы Нади, но огонек

уже исчез. – Нет там никого, давно заброшенным стоит.

– Такое-то хозяйство пропадает, – неодобрительно пробурчала московская пенсионерка. – Как, поди, хорошо было бы пристань построить, лодочки по воде пустить...

– Так вы тоже верите этим сказкам про санаторий?! – удивился Фельдмаршал и покачал головой. – Эх, Надежда Прохоровна... Нет там никакого санатория и не было никогда! Военный объект это!

– Да ну? – искренне поразилась гостья.

– Точно, точно! Дурили народ всякими сказками, но мы – почтовики, – палец Фельдмаршала взвился вверх восклицательным знаком, – нас не проведешь, мы все знаем, поскольку – государственные люди. Вот.

– И чего же ты знаешь? – то ли недоверчиво, то ли насмешливо поинтересовалась Надежда Прохоровна.

– А то. Вот смотрите: народ в «санатории» был? Был. А почту им не доставляли. Вся корреспонденция курьерской почтой приходила. Нашими услугами не пользовались. А почему? – Пытливо сощурившись, Фельдмаршал сделал многозначительную паузу. – А потому, что корреспонденция была секретной.

Надежда Прохоровна недоверчиво склонила голову набок...

– Точно, точно! – упорствовал Суворов. – Вот посудите сами: пристань на берегу была, лодка стояла, а вы видели когда-нибудь, чтобы отдыхающие на той лодке прохлажда-

лись? Или купались массово, а?

– Так вроде бы говорили, что в том санатории после радиации восстанавливаются. Зачем облученным людям на пляже загорать?

– Ага, – с ехидством кивнул Фельдмаршал, – ждите больше... Секретный порядок на объекте был, Надежда Прохорова. Секретные физики или химики мозгой шурупили. наших деревенских туда даже уборщицами на работу не брали.

– Да ну.

– Вот не сойти мне с этого места! – стукнул себя по груди почтовик. – Лет десять назад, когда объект законсервировали, пошли туда мужики цветным металлом поживиться. Федька, кстати, в числе первых забор перемахнул... И что вы думаете? – Хитро сощуренный глаз Фельдмаршала спрятался в морщинках. – Их оттуда так шуганули – до самой деревни бегом бежали, потом два дня синяки лечили, самогоном нервы восстанавливали. Несколько раз пытались «металлисты» за тем забором поживиться или хотя бы саму сетку-рабицу спереть, но... – Сергей Карпыч выразительно развел руками. – Вот взять, к примеру, бывшую турбазу в Сельце. Там от металла только ржавый гвоздь остался – года не прошло, стоят пустые щитовые домики, а в Сельце все матрасы со штампами «Турбаза „Сокол“».

Надежда Прохорова поглядела на заросший стройным сосняком противоположный берег, подумала секунду и

нехотя согласилась:

– Ну-у-у... может, и секретный объект был. – А про себя добавила: «Но вряд ли». В давние времена ходила Надя Губкина к санаторию землянику собирать и никакой секретной охраны у забора что-то не заметила. – Пойдем, Сережа. Нечего у этого дома отсвечивать.

Фельдмаршал согласился, двинулся было за угол, но, услышав несущийся с улицы детский смех и женские окрики, остановился.

– Стечкины на прогулку вышли, – сказал настороженно. – Пойдемте-ка, Надежда Прохоровна, задами. Через заднюю калитку. Заодно и кроликов моих навестим.

– И к тебе зайдем, снимки места преступления посмотрим. Они у тебя распечатаны?

– Нет, в компьютере, – важно ответил Суворов и ходко покатился по узкой тропочке к задней калитке.

Тылы суворовских угодий украшали небольшие кучки кроличьего помета. К штакетнику прислонилась двухколесная тележка, этот самый навоз вывозящая. Сергей Карпович хозяйственно поправил совковую лопату у забора, радушно распахнул во всю ширь кривенькую дверку.

– Прошу, – сказал и повел Надежду Прохоровну знакомиться с ушастыми рекордсменами. По ходу дела успевал пожаловаться: – Вот тут мой Махаон сидел... Вот тут мне трухой глаза той ночью запорошили... Сюда вор шмыгнул –

видите, все дрова, убегая, разворотил, – и огорченно пнул тапком здоровенный брус, явно вывернутый из стены одного из заколоченных парамоновских домов, – все недосуг убираться...

– Откуда дровишки-то, Сережа? – усмехнулась баба Надя.

Суворов поднял вверх раскрытые ладони:

– Все честь по чести, Надежда Прохоровна. Мы с Терентьевной на двоих разрушенный дом на дрова купили, все денежки сполна отдали. Пойдемте.

Участок бывшего почтового начальника поражал наполеоновским размахом и явной неприспособленностью отставного шефа к огородному хозяйству. Грядки вскапывались с тщанием, но без таланта, который, как известно, нужен, даже чтобы морковку ровно посадить. Плохо прореженные, любимые кроликами корнеплоды росли придушенными косыми рядами, капусту обглодали гусеницы – кружева какие-то получились, а не капуста! – картофельная ботва, в сравнении с Матрениной, смотрелась жалкой карликовой порослью.

Мужик на хозяйстве, вздохнула баба Надя. Подобрала валяющийся на земле совок и положила его на лавочку под сливами. Под лавочкой торчали обглоданные почти под корешок остатки одуванчика – еще одного любимого кроличьего лакомства.

Такие же обглодыши украшали и периметр довольно приличного, шитого сайдингом суворовского дома.

В доме было прохладно и немного пыльно. На всех горизонтальных поверхностях лежали и валялись газеты, журналы и книжки. На круглом, покрытом клеенкой столе под пятирожковой хрустальной люстрой засохло яичное пятно. К пятну прилипла толстая дохлая муха.

Надежда Прохоровна снова вздохнула – на стене висели большие фотопортреты покойных жены и матушки Суворова – и подумала: а может, сосватать за почтовика Лидочку из тридцать пятой квартиры?.. Вдова ведь тоже. Пятьдесят два года, хлопотунья, мечтает к пенсии на дом в деревне денег скопить, на свежий воздух переехать, да боится, что без мужика нормальное хозяйство не потянет.

Суворов мужчина справный... Суетной, правда, малость... Но и Лидка не тетеря – любит, чтоб вокруг живенько было...

Пока Надежда Прохоровна строила матримониальные планы, Фельдмаршал включил компьютер, вывел на монитор снимки места преступления...

Надо Лидку привозить, бросив взгляд на первую фотографию, решила баба Надя. Суворов, оказывается, так артистично и точно изобразил позу мертвого Мухина, что даже поразительно! Именно так все Надежда Прохоровна себе и представляла! Лидочка раньше в художественной самодеятельности участвовала, в театральном кружке занималась – поймут друг друга. Карпыч мужик с творческими задатками,

хоть и пенсионер. Стену за компьютерным столом украшали пришпиленные кнопочками фотографии парамоновских красот: стог сена плавает в тумане, заря над лесом, с одной из карточек беззубо, но лихо улыбается Терентьевна...

А если говорить по сути дела, то ничего нового на фотографиях комнаты, сделанных в день убийства Федора Мухина, Надежда Прохоровна не увидела. Минут десять вглядывалась в снимки, искала хоть что-нибудь из того, что следствие изъяло, но не нашла. Все в доме было в том же состоянии, только бардака добавилось. Баба Надя перелистнула электронную страничку, монитор отобразил большой и четкий вид лежащего на пышной траве мутного стекла с кровавым мазком...

– А это что за отпечаток, Сережа?..

– Это? – прищурился Фельдмаршал. – Отпечаток подошвы. Мои тапочки тут даже не подозревали, видно же – огромный сапог уголком наступил.

– Странно, что стекло не расколосось...

– Так я же говорил – Федька сам через это окошко лазал, стекло давно раскокал, вставил на его место кусок плексигласа.

– Понятно... Листай дальше. – Не любила Надежда Прохоровна предварительные выводы впопыхах делать – новый факт в виде отпечатка пыльной подошвы огромного сапога решила попозже обмозговать.

– А вот это, Надежда Прохоровна, то, что успел заснять

мой фотоаппарат, когда мне уже глаза трухой запоросило. – Поерзав мышкой, Суворов вывел фотографию двух размытых пятен – фиолетового и белого цветов штрихи на фоне абсолютной черноты.

– Как странно вор оделся, – задумчиво пробормотала баба Надя, вглядываясь в пятна. – Больно ярко.

– Я тоже так подумал, – кивнул Суворов, – но решил: может быть, эти пятна – фотобрак, а? Бывает же такое.

– А мы сейчас проверим, – решительно проговорила московская гостья. – У тебя Интернет есть?

– Конечно, через модем работает.

– Вводись, – велела бабушка Губкина и достала из кармана сотовый телефон, без которого нынче ни одна путная старушка на улицу не выйдет. Нашла в его памяти телефон любимого воспитанника и соседа старшего лейтенанта милиции Алеши Бубенцова и важно повела вот такой разговор: – Привет, Алешка, это баба Надя. Я тебе сейчас «по мылу» пару фотографий скину, отвези их завтра в свою лабораторию, пусть там прогонят через программу, почистят...

Ну что уж тут поделаешь – и на восьмом десятке женщина остается женщиной! Если рядом даже не нужный мужичок обретается, начинает красоваться и важничать, производить впечатление. «По мылу», «скину», «прогонят через программу»... Сама-то только этой зимой компьютер освоила, а фразочки кидает – ну чистый хакер в седирах!

Но Фельдмаршал Суворов проникся. Уважительно гля-

дел, как важно московская старушка кем-то командует, как опытно набивает адрес своего знакомого...

А баба Надя, по совести сказать, до жути боялась не ошибиться, опростоволоситься! Ведь форсу навела, как королева, а пшик получится – стыдоба.

Но обошлось. Алешка сказал – не надо ждать до завтра, у него в компьютере такая же программа есть, высылайте снимки, с удовольствием сам поковыряюсь, навыки проконтролирую...

– А долго?

– Минут за двадцать должен управиться. Высылайте.

Новоявленный помощник сыщицы Губкиной переправил фотографии, глянул на настенные часы...

– Подождем? – предложил несмело.

Надежда Прохоровна, только недавно напившаяся чаю и еще не нагулявшая аппетита, задумалась.

– У тебя, Карпыч, мобильный номер Матрены есть?

– А как же, – заговорщицки разулыбался тот.

Цивилизация. Прогресс, докатившийся до самых забытых богом и начальством деревень. Через полторы минуты заговорщицки знали, что картошка со шкварками поспеет только через полчаса и, если надо, подождет. Ровно через двадцать минут потрясенный Суворов тарасился на переправленный в Парамово подчищенный снимок и, как заведенный, талдычил одну-единственную фразу:

– Не может быть, не может быть...

Надежде Прохоровне пришлось ткнуть его локтем:

– Чего не может быть, Сережа?!

– Это... – тыча пальцем в размазанный снимок, проговорил Фельдмаршал, – это... бабы-Глашина юбка...

Надежда Прохоровна поправила очки, почти уткнулась носом в монитор – размытые фиолетово-розовые с черными крапинками пятна на обработанном снимке превратились в развевающийся подол длинной юбки, белое пятно явно стало платком на чьей-то голове. Между ними сливался с ночной чернотой острый штрих, оставленный темным рукавом убегающего человека.

– Глафира Терентьевна? – спросила монитор Надежда Прохоровна. – Приходила к соседу кроликов воровать?

Два пенсионера уставились друг на друга, не зная, что добавить. Орденоносная Глафира ворует живность у соседей?!

Сергей Карпович вывел второй снимок: яркие штрихи замерли почти параллельно земле... Или это ослепший Суворов уже падал, и ракурс изменился до полной белиберды, вкривь и вкось.

– Быть того не может, – вновь завел Фельдмаршал. – Баба Глаша... Ночью... Да я бы ей и так кролика подарил!.. Зачем?! – Потрясенный до самых глубинных основ, почтовик буквально рвал остатки волос над ушами, причитая и подывая...

– Ты это, Карпыч, – тихонько перебила его стенания Надежда Прохоровна, – не говори пока никому... Не позорь

старуху...

– Да конечно же – нет! – разволновался собеседник. – Она ж лучшей подругой матери была! Когда Зинаида захворала, помогала мне за женой ухаживать! – И снова запричитал: – Не может быть, не может быть... А вдруг Терентьевна тоже приходила ночью вора подкараулить?.. А потом меня испугалась и убежала?!

Эта версия появления в его угодьях старухи соседки немного успокоила Фельдмаршала. Он встал из-за стола, помаршировал за бабы-Надиной спиной туда-обратно, погундел что-то под нос и принял решение:

– Надо с бабой Глашей поговорить. Все может объяснить-ся довольно просто.

– Поговоришь, Сережа, поговоришь. Только когда охолонешь немного. Завтра утром пойдем вместе, вдвоем Глафиру допросим. А сейчас собирайся-ка к Матрене, она уже, поди, все глаза проглядела...

– Так неудобно, – заманерничал Фельдмаршал. – Вы столько лет не виделись, есть о чем поговорить...

– Не удобно, Карпыч, спать на унитазе – попа мокнет.

* * *

Выходя из своей калитки, потрясенный до глубины души Фельдмаршал сделал попытку повернуть к Глафириному дому, но Надежда Прохоровна поймала его за рукав рубашки

и остановила деловым вопросом:

– А ты, Карпыч, фотографии вора милиции отдал?

– Отдал, – тоскливо глядя на соседний огород, кивнул почтовик. – Я ж им все про засаду рассказал, предположил, что появление... мгом... воришки, может быть как-то с убийством связано...

– И что следователь?

– А ничего. Попробовал флешку себе забрать, но я наврал, что у меня там важные снимки для выставки кролиководов хранятся... Больше от милиции ни слуху ни духу не было.

– Понятно. А ты чего, Карпыч, везде с фотоаппаратом ходишь? Красивый вид повсюду ловишь?

Фельдмаршал почему-то смутился, сделал вид, что не слышал, и быстрее потопал к Матрениному дому.

В этом месте следует сказать, что ходил повсюду с фотоаппаратом Сергей Карпович совсем не просто так, не за красотами парамоновскими охотясь...

В позапрошлом году отправился Суворов по грибы за озеро, и было ему там видение – неопознанный летающий объект в кустах: мерцающая штука неземного свойства с огоньками по круглому боку и дыркой наподобие люка. Стояла штукovina на тонких ножках, мерцала и тихонечко гудела.

Зеленых человечков Сергей Карпович не разглядел, но страху натерпелся до натурального обморока! Плюхнулся под куст и просидел там без памяти минут пять.

А когда очнулся – исчезла тарелка. Даже травы примя-

той не оставила. Битый час Фельдмаршал по кустам ползал, искал материальные свидетельства прибытия внеземной цивилизации, потом с неделю деревню смешил – рассказывал о «контакте», перечислял количество и цвет огоньков, диаметр дырки, пытался вызвать из Москвы уфологов.

Уфологи к пенсионеру не приехали. Деревня в один голос посоветовала не ходить в кусты с похмелья.

Обиделся Сергей Карпович. Купил фотоаппарат и периодически устраивал в памятных кустиках засаду на пришельцев. Еще в бытность свою начальником почты выписывал Сергей Карпович журнал «Наука и жизнь», статьями про инопланетный разум зачитывался. Потом, когда на газетные страницы хлынул поток «космических» небылиц, немного поостыл, но тем не менее интересовался. В пришельцев избирательно верил, свое видение никак не принимал за похмельное приключение и надеялся умыть деревню и уфологов качественным доказательством в виде снимка летающей тарелки в парамоновских кустах.

Пока не повезло.

Вокруг Матрениного дома плавал умопомрачительный дух жареной на шкварках картошки. В сенях к аромату картошки добавился запах вынутых из кадушки малосольных огурцов – со свежими листиками смородины, укропом, чесночком и хреном! – в горнице букет обогатился благоуханием свежайшего черного хлеба.

– К Сычам за мягким хлебушком сходила – им зять каждый день подвозит, заодно на застолье соседей пригласила, – разливая по стопкам прозрачный, с легким красноватым оттенком, настоящий на травах самогон, приговаривала Матрена. – Но сам сказал – не ждите, дел много, можем до ночи провозиться... Хотела к ним еще в баню напроситься, но старшая Сычиха сказала – не топим сегодня. Так что придется тебе, Надежда, моего летнего душа испробовать – за день вода в бочке наверху чуть ли не до кипятка нагревается! Попозже сходим, ополоснемся... Ну, дорогая невестка, со свиданьем!

Толстостенные граненые рюмки на коротких ножках сошлись над столом, стукнулись боками...

– Эх, хорошо пошла! – крикнул Фельдмаршал и смачно захрустел огурчиком. Матрена тут же налила по второй.

В сумерках затянули песню.

Надежда Прохоровна, подперев щеку кулаком, вторила едва-едва, многое из любимых парамоновских песен забыть успела, аборигены заливались соловьями (правда, Суворов врал маленько, но исполнял самозабвенно), выходило очень даже задушевно. За сердце брало. Как и мечталось Надежде Прохоровне еще в Москве.

– А что Елена, Мотя? – спросила баба Надя, когда наступила пауза. – Приезжает часто?

Растроганная мытарствами каторжанина в окрестностях

Байкала, Матрена смахнула крохотную слезинку:

– Не часто, Надя. – Дочь Матрены Пантелеевны лет пятнадцать назад поехала на юбилей брата в Калининград, познакомилась там с моряком, вышла замуж... Двоих детей теперь нянчит, мужа из плавания поджидая. – Свекровка у нее уже пять лет парализованная лежит, с инсультом. Еленка за ней ухаживает, не может ни на кого оставить...

– Хорошая она у тебя, – тихонько проговорила баба Надя. – Ответственная.

– У Димки дети то школу заканчивают, в институты поступают, то мамку с папкой за границу отдохнуть волокут, – печально рассказывала о детях-внуках подзабытая бабушка. – Редко навещают... Но, слава богу, все здоровы.

Выпили за здоровье всех близких, Надежда Прохоровна низко затынула «Ямщика»...

Когда на столе уже стояли чайные чашки, заглянула Надежда Прохоровна в сахарницу и почти что прослезилась: в пузатой фарфоровой сахарнице, вперемешку с рафинадом, лежали бежевенькие конфеты-подушечки...

Многое может в жизни измениться – почти сотрется разница между столичным магазином и сельским лабазом, повысят наконец-то бабкам пенсии, цветные телевизоры в каждой избе заведутся, – а пристрастия останутся. Как и песни, что будут петь на русских застольях под рюмочку...

Ранним утром, по холодку, отправились две родственни-

цы на кладбище.

Дорога не дальняя, через поле к лесистому участку на ко-согоре автомобильные колеса памятливых потомков широкую дорожку укатали...

– Почти все наши сюда возвращаются, – говорила Матрена. – Завещают детям на чистом воздухе под березками схранить... На Пасху – форменная демонстрация случается... Все бывшие односельчане подъезжают, земляки собираются...

Но как бы ни берегли память о предках родственники, большинство могил заросшими стояли. Надежда Прохорова останавливалась у некоторых, вчитывалась в почерневшие таблички, вглядывалась в облупившиеся медальоны с неулыбчивыми лицами...

Печальной та прогулка вышла. Хоть и нашла Надежда Губкина Васину могилку прибранной, ухоженной, с совсем не выгоревшим пластмассовым букетиком на железном бортике... Но радости от этого – мало.

Повыдергали вдовы сорняки в оградках, чистыми тряпочками фотографии и имена-фамилии родных оттерли... Наполнили самогонкой пыльные стопочки под медальонами... Отцу и Васе по паре папирос рядышком положили...

Обратно возвращались уже под полуденным слепящим солнцем. Хорошо, Сергей Карпович на «запорожце» почти с половины дороги подхватил.

– Дай, думаю, съезжу за вами, – сказал он, распахивая

дверцы перед женщинами. – Чего вам по жаре через поле топать?

Довез печальных женщин до Матрениной калитки и, когда односельчанка вышла, сказал тихонько:

– Надежда Прохоровна, когда к Глафире пойдем?

– Сейчас. Только умоюсь.

За высоким забором Глафириных угодий заходилась лаем здоровущий кобель. Надежда Прохоровна глянула в щелочку: огромный пес рвался с тяжелой цепи, опасно натягивал звенья, пугая бабушку страшным оскалом зубастой пасти.

– Вот смотрите, что получается, Надежда Прохоровна, – поджидая появление хозяйки, говорил Фельдмаршал. – Наши кобели – родные братья. Из одного помета от кавказской суки Сычей. Те, как только переехали, всей деревне бесплатно породистых щенков предложили, да только я и Глафира псов взяли. И вот мой Гаврош – добродушнейший парень, Глафирин Буран – злобнейшая зараза. – Пожаловался: – Ни один почтальон к глухой старухе не проберется. Пока мобильные телефоны не появились, по полчаса стояли у ворот, дожидались, чтоб пенсию передать. Раньше-то у бабы Глаши за забором культурная Ночка тихонько побрехивала... – Отодвинув Надежду Прохоровну от щелочки, поглядел на дом. – Что-то долго баба Глаша ковыряется – неужели Бурана не слышит? Надо позвонить...

Подслеповато шурясь и тыкая пальцем в кнопочки,

Фельдмаршал продолжал рассказ о кобелях:

– Я Глафире так и сказал давеча – Гаврош к тебе не кур давить лазает, а на свидание к брату пробирается. Скучно же... – Удивленно посмотрел на верхушку дома за забором. – Странно, трубку не берет... Глафира!!! Баба Глаша!!! Это я – почтальон Печкин!!

Тезка орбитального корабля грудью ударил в забор, тот покачнулся, и «почтальон Печкин» испуганно отпрыгнул за канаву:

– Вот я тебе! Попросишь у меня еще косточек!! Глафира, открывай, а то нас загрызут!!

Бурану уже вторили остальные деревенские собаки, с той стороны улицы недовольно цыкнула появившаяся за калиткой старуха Стечкина:

– Тихо! Чего орете?! У меня Ольга спать укладывается!

Фельдмаршал конфузливо приподнял кепочку над лысиной:

– Прощенья просим, Серафима Яковлевна... – И обернулся к бабе Наде: – Наверное, в сельмаг потопала, в Красное Знамя...

– В такую-то жару? – удивилась Надежда Прохоровна.

– Действительно... Куда же она делась? – пробормотал задумчиво и предложил почтовик: – Пойдемте-ка к Сычам, Надежда Прохоровна. Я утром видел, баба Глаша к ним пробегала...

Крепкие, обитые железом ворота отставного прапорщика Тараса Сыча также оказались заперты. Сергей Карпович нажал на пумпочку звонка, на всякий случай ударил пяткой в ворота...

С обратной стороны заскрежетал засов, и почти одновременно с противным тягучим звуком раздался не менее противный женский вопль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.